

ГЛАВА I

Ночной посыльный

Все казалось таким реальным, что мне почти не верилось, будто это уже случилось раньше. Однако каждое следующее событие происходило не по логике развития — я как бы наперед знал, что произойдет в следующий миг. Так память играет с нами, перемешивая добро и зло, наслаждение и боль, благо и несчастье. Именно благодаря этому жизнь приобретает сладко-горький вкус, а то, что свершилось, становится вечным.

Я вижу, как легкий ялик с поднятыми веслами, замедляя движение, скользит по тихим водам прочь от неистового июльского солнца в прохладную тень, отбрасываемую ветвями старых ив. Я стою в раскачивающейся лодке, она сидит молча, ловкими пальцами отводя надвигающуюся листву и длинные гибкие ветки. Под пологом зелени я вижу воду золотисто-медового цвета и заросший травой берег, играющий всеми оттенками изумруда. И вновь я вижу, как мы сидим в прохладной тени, окруженные мириадами звуков первозданной природы: доносящиеся из-за нашего укрытия и возникающие внутри его, они сливаются в один сплошной умиротворяющий шум, который заставляет забыть, что где-то существует и другой огромный мир, наполненный своими волнениями, тревогами и еще более волнующими радостями. И вновь я вижу, как в этом блаженном уединении юная дева, позабыв все правила чопорного и строгого воспитания, обращаясь ко мне, произносит слова, которые услышишь только в сновидениях. Она рассказывает об одиночестве, напол-

нившем ее новую жизнь. С грустью она поведала о том, что в их огромном доме все угнетены безмерным богатством ее отца и ее самой, что доверию к ближнему и состраданию там не осталось места и даже лицо ее отца теперь казалось таким же далеким, как и их прошлая деревенская жизнь. И вновь мудрость мужчины и опыт прожитых лет были брошены к ногам молодой женщины. Это как будто произошло по их собственной воле, поскольку осознание своего «Я» не принимало никакого участия в принятии решений, лишь подчиняясь приказу. И вновь быстролетные мгновения начали бесконечно множиться, потому что одной из тайн мира сновидений является возможность слияния и обновления различных реальностей, которые остаются самостоятельными, подобно тому, как игра отдельных музыкантов сливается в прекрасную фугу. Итак, память в моем сне закружилась в безумном танце, все быстрее и быстрее.

Наверное, идеальной безмятежности не бывает. Даже в самом Эдеме среди ветвей древа познания добра и зла кажет свою голову змий. Тишина ночи взорвалась грохотом низвергающейся лавины; шипением внезапного наводнения; гудением клаксона автомобиля, оповещающего спящий американский город о своем продвижении по его улицам; грохотом лопастей парохода, плывущего где-то в море... Что бы это ни было, оно разрушило волшебство моих грез. Зеленый балдахин над нашими головами, сотканный из переплетающихся ветвей и усыпанный алмазами пробивающегося сквозь листву света, задрожал в такт непрекращающимся ударам, а неугомонный звон, казалось, не смолкнет никогда...

Неожиданно ворота сна широко распахнулись, и мои уши уловили причину раздражающих звуков. Пробуждение оказалось прозаично — где-то на улице кто-то стучал в дверь и звонил в дверной звонок.

За время своей жизни в квартире на Джермин-стрит я уже успел привыкнуть к доносящимся с улицы звукам. Ни бодрствуя, ни во сне я не обращал внимания на жизнь своих соседей, какой бы шумной она ни была. Но этот звук был слишком продолжительным, слишком настойчивым и повелительным, чтобы на него можно было не обратить внимания. За этим бесконечным звуком скрывались осмысленные действия, требующие быстроты решений, а за осмысленными действиями — какая-либо срочная нужда или тяжелые душевные переживания. Я не был эгоистом, и при мысли о чьей-то нужде я недолго думая поднялся с кровати. Инстинктивно я взглянул на часы: было всего три часа утра. Через зеленую штору, закрывавшую окно, просвечивал неровный серый круг. Стало очевидным, что звонят и стучат в дверь именно нашего дома, также стало очевидным, что в доме не было никого бодрствующего, кто мог бы открыть дверь. Накинув халат и сунув ноги в тапочки, я спустился к двери в прихожей. Когда я открыл ее, то увидел приличного вида грома, который одной рукой настойчиво нажимал на кнопку электрического звонка, а другой непрерывно стучал дверным молотком. В ту же секунду, как он увидел меня, шум прекратился. Одна его рука потянулась к козырьку шляпы, а другой он вынул из кармана письмо. Перед входом стоял изящный экипаж, лошади, впряженные в него, тяжело дышали, будто только что неслись изо всех сил. Рядом стоял привлеченный шумом полисмен, на поясе которого висел все еще зажженный ночной фонарь.

— Прошу прощения за беспокойство, сэр, но я получил четкие указания. Мне велено не терять ни секунды и стучать в дверь и звонить, пока кто-нибудь не откроет. Скажите, сэр, здесь ли проживает мистер Малькольм Росс?

— Мистер Малькольм Росс — это я.

— В таком случае это письмо вам, сэр, и экипаж тоже для вас.

С чувством крайнего любопытства я взял у него письмо. Работая адвокатом, я иногда сталкивался, конечно, с разного рода неожиданностями, в том числе и срочными вызовами, но подобного еще не случалось. Я отступил в глубь коридора, прикрыв дверь, но не захлопнув ее, и включил электрический свет. Письмо было написано незнакомым мне женским почерком. Оно начиналось без обычного вступления типа «Дорогой сэр» или чего-либо в этом роде:

«Вы говорили, что, если мне понадобится помощь, вы готовы помочь. Я верю, что вы говорили серьезно. Такой момент настал раньше, чем я ожидала. Я попала в ужасную беду и не знаю, как поступить или к кому обратиться. Было совершено покушение на моего отца. Слава Богу, он жив, но сейчас без сознания. Я вызвала врача и полицию, но я никому не могу доверять. Если у вас есть такая возможность, приезжайте немедленно и простите меня, если сможете. Думаю, что позже я осознаю, чем буду вам обязана, если вы откликнетесь на мою просьбу, но в эту секунду я не в состоянии трезво мыслить. Приезжайте немедленно!

Маргарет Трелони».

Пока я читал письмо, боль и ликование боролись в моей душе, но главной была мысль о том, что, попав в беду, она обратилась ко мне. Ко мне! Выходит, мой сон о ней был в руке. Я крикнул груму:

— Подождите! Через минуту я выйду! — И побежал наверх. Пары минут хватило, чтобы умыться и одеться, и вот мы уже мчимся по улицам со всей скоростью, на какую способны лошади. В то утро работали базары, и, выехав на Пиккадилли, мы увидели бесконечные потоки телег, стека-

ющихся в город с запада, но дальше дороги были свободны, и мы продвигались довольно быстро. Я попросил грума сесть со мной в экипаж, чтобы по дороге он рассказал мне, что произошло. Сев, он положил свою шляпу на колени и держался довольно напряженно. Вот что я услышал.

— Сэр, мисс Трелони послала человека, чтобы тот передал нам ее распоряжение — немедленно готовить экипаж. Когда мы все сделали, она пришла сама, дала мне письмо и приказала Моргану — это извозчик — мчаться. Мне она велела не терять ни секунды и стучать в дверь до тех пор, пока кто-нибудь откроет.

— Да, это я знаю, знаю, вы уже рассказывали! Я хочу узнать, почему она послала за мной. Что произошло в доме?

— Я точно не знаю, сэр, слышал только, что хозяина нашли в его комнате без сознания, с раной на голове, а все простыни залиты кровью. Его не удалось привести в чувство. А нашла его сама мисс Трелони.

— Как могло случиться, что именно она нашла его в такое время? Если я правильно понимаю, все произошло глубокой ночью?

— Я не знаю, сэр, подробностей я не слышал.

Поскольку грум больше ничего не мог мне рассказать, я остановил на минуту экипаж, чтобы дать ему возможность вернуться на свое место, и стал размышлять в одиночестве. В голове роилось еще множество вопросов, которые следовало бы задать слуге, но возможность была упущена, и я разозлился на себя. Однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что тактичнее будет все-таки услышать интересующую меня информацию из уст самой мисс Трелони, а не расспрашивать ее слуг.

Не замедляя скорости, мы обогнули Найтсбридж. Мерный шум хорошо отлаженного механизма коляски гулким эхом разносился по улицам в утренней тиши. Мы свернули